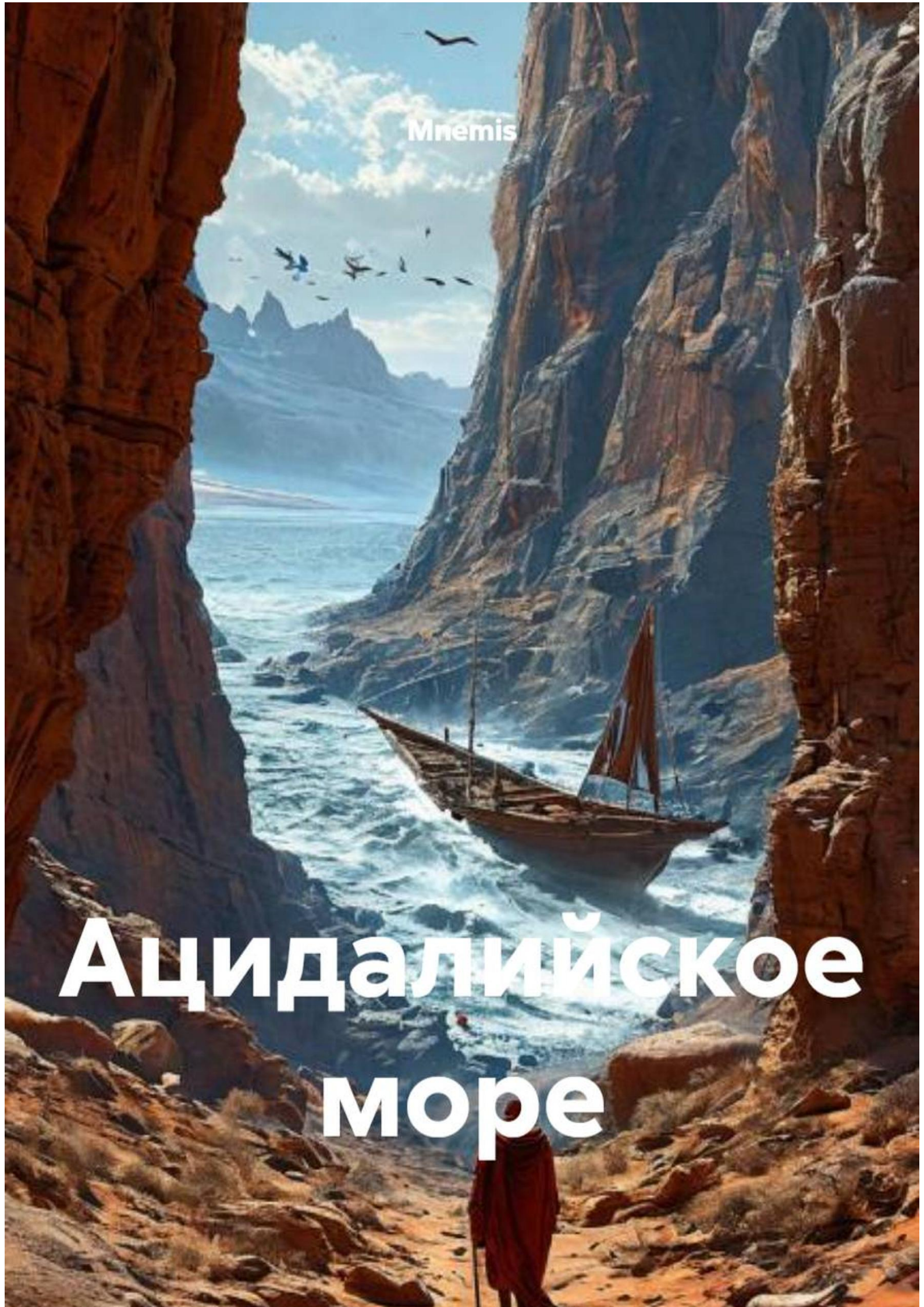

Mnemis

Ацидальское море

Mnemis

Ацидалийское море

«Автор»

2026

Mnemis

Ацидалийское море / Mnemis — «Автор», 2026

Марс умирает. Море замерзает. Время кончается. Одни строят корабли — чтобы улететь. Другие спускаются в подземные храмы — чтобы запомнить. Третьи бредут через пустыню, где из трещин дышит огонь — чтобы спасти тех, кто остался. Но спасти можно не всех. Кто-то увидит голубую звезду. Кто-то до последнего вздоха будет царапать имена на глине в темноте пещеры. Кто-то сгинет в красной пыли — и его кости заметёт пеплом. И только глина помнит всё. Даже тех, чьи имена никто не произнесёт. Даже тех, кто не успел попрощаться. «Письмо из Красной пыли». Книга первая. Приготовьтесь услышать последний вздох Ацидалийского моря.

Содержание

Пролог	5
СТРОКА ПЕРВАЯ. ФИОЛЕТОВАЯ ПЛАНЕТА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Mnemis

Ацидалийское море

Пролог

«Khō mōr, dzen mōr, lān ān mōr»

Меня зовут Хевсур. Я историк Академии
Окхасена. Эти строки я царапаю в пещере под Фарсидой, на глине,
которая
когда-то была дном океана. В каждой её частице — чья-то смерть
и чья-то память. Мне не было места на кораблях. Я слишком стар.
Моя память не нужна тем, кто строит новое. Но я нужен здесь —
чтобы записать
конец. Тот, кто возьмёт в руки эту книгу, пусть знает: она написана
на языке
умирающего мира. В ней — вся память Марса. Я мог бы
записать только имена умерших. Но я решил иначе. Пусть тот, кто
найдёт эти
таблички, знает не только как мы умирали, но и как мы жили. Как
зарождалась
наша планета. Как первые клетки учились дышать. Ибо без этого
наша боль —
просто крик в пустоте.

I. Как всё начиналось

Раньше Марс не был красной пустыней. Он был пурпурным, как первая жизнь. Океаны плескались в его низинах, и волны лизали берега, исчезнувшие навсегда. Древние мудрецы рассказывали иначе.

До начала не было ничего. Ни воды, ни огня, ни даже пустоты. Была только **Тьма**. Но в сердце Тьмы родилось **Желание**. И из него явились двое: **Кхо** — Огонь, и **Акха** — Вода.

Они двинулись навстречу друг другу. Когда Кхо коснулся Акхи — вскипела вода, и пар поднялся к небу. Когда Акха коснулась Кхо — остыл огонь, и из его сердца родился камень.

Так явились небо и земля.

Акха сказала своё слово — из воды родились тела. Кхо вдохнул свою суть — в тела вселилась душа. Так появились первые твари.

Но Кхо и Акха не могут быть вместе долго. Их вечная вражда — это дыхание Марса. Когда они ссорятся — земля дрожит, вулканы дымятся. Когда мирятся — наступает покой. Ненадолго.

Однажды один из них победит.

Если Кхо — Марс сгорит.

Если Акха — замёрзнет и станет глыбой льда.

А теперь они ссорятся снова. И в этой ссоре — наша гибель.

Вот что помнят древние.

II. Химия жизни

Я не отвергаю легенд. Но я, историк, обязан записать и то, что мы узнали через линзы.

В первичном океане плавали простейшие вещества — те, из чего строится всё живое. В тихих лагунах, где глина работала ускорителем, сами собой собрались первые сложные молекулы. Если бы не те пузырьки в глинистой воде — меня бы не было. И вас бы не было.

Молекулы собрались в **протоклетки**. У них ещё не было **генов** — только память в соотношении молекул. Но они уже умели расти и делиться. Среди них работал отбор: кто лучше удерживал нужное — жил дольше. Глина помнит даже то, что мы сами забыли.

III. Язык жизни

В тёплых протоклетках жили особенные молекулы — те, что умели делать две вещи сразу: хранить информацию и ускорять реакции. Мы называем их **РНК**.

Представьте цепь, каждое звено которой — слово. Четыре буквы — четыре слова. Всего четыре. Но из них можно сложить любую историю.

РНК была первым языком. Она ошибалась, и ошибки закреплялись, если оказывались полезны. Наследственность, изменчивость, отбор — три столпа, на которых держится вся жизнь.

Но РНК слишком хрупка. Природа Марса создала **ДНК** — прочнее, стабильнее. Двойная спираль. Если одна цепь повредится, вторая служит образцом для починки.

Моя память, как и ДНК, иногда повреждена. Я забываю лица, имена. Но таблички — моя вторая цепь. По ним я восстанавливаю всё.

IV. Энергия

Первые клетки плавали в тёплом супе, полном готовой еды. Потом суп кончился.

Клетки стали больше, сложнее. Они проглотили маленькую бактерию — и обрели **митохондрии**.

Митохондрии до сих пор работают в моих пальцах, когда я пишу. Даже когда всё остальное остановилось. Даже когда море замёрзло.

А потом клетки научились использовать свет. **Пурпурные бактерии** первыми начали дышать солнцем — не с водой, а с **сероводородом**.

Позже, когда в океане накопилось железо, некоторые бактерии совершили революцию: они начали выделять кислород. Для большинства организмов он был ядом. Началась **кислородная катастрофа**. Миллиарды вымерли. Но те, кто выжил, научились пить яд и становиться сильнее.

V. Как мы стали собой

Миллиарды лет клетки жили поодиночке. Но однажды они поняли: вместе выживать легче.

Одни стали добывать питание. Другие — защищать от врагов. Третьи — передавать наследственность. Четвёртые — управлять телом.

Так появились ткани. Так появились органы.

Марс подарил нам низкую гравитацию. Можно быть огромным, не тратя энергию на скелет. В древнем океане плавали медузы с куполом размером с трёхэтажный дом. По дну бродили гигантские ракоскорпионы — хищники длиной с корабль.

Около двух миллиардов лет назад у животных сформировался внутренний скелет. Сначала хрящ, потом лёгкие полые кости. Идеальная конструкция для низкой гравитации. Эволюция закрутилась с новой силой.

А потом жизнь вышла на сушу. Первыми — **стегоцефалы**, похожие на гигантских саламандр. Их кожа покрылась слоем оксидов железа и марганца — защита от радиации.

Марс обрёл свою фиолетовую сушу. Леса протянулись на тысячи километров. В них шумели ветры, журчали реки, и по Марсу ходили новые существа. Наши предки.

VI. Кровь и дыхание

Когда животные выползли на сушу, их жабры слипались и сохли. Двоякодышащие нашли решение: сохранили жабры для воды и развили лёгкие для воздуха.

У марсианских позвоночных лёгкие — внутренние мешочки, всегда влажные, защищённые от пыли. А сердце стало четырёхкамерным. Два круга кровообращения.

На Марсе атмосфера разрежена. Эволюция выбрала **гемоцианин** — с медью. Медь связывает кислород слабее (чем железо), но отлично работает при низком давлении.

Наша кровь — голубая. Этот цвет отразился в названиях этнических групп: тёмно-синие, светло-синие, смешанный тип с голубоватыми пятнами на коже.

Я смотрю на свои руки. Под бронзовой кожей проступают голубые нити вен. Это не просто кровь. Это память о договоре между богами и людьми. Договоре, который теперь расторгнут.

А наша кожа покрыта микроскопическими кристаллами оксидов железа и марганца — природная броня от ультрафиолета и радиации.

Всё, что когда-то помогало выживать, теперь становится ненужным. Исчезает, как вода из высохшего русла.

VII. Разум

Чтобы управлять сложным телом, нужна сложная система связи. Сначала была нервная сеть — как у медуз. Потом **ганглии** — маленькие мозги в каждом сегменте.

Настоящая революция — централизованный мозг. Все сигналы стекаются в одну точку.

Низкая гравитация Марса сняла ограничение. Можно было иметь крупный череп, не рискуя сломать шею. Мозг рос, покрывался извилинами.

Около ста миллионов лет назад появились **Trenmarzān** — «трижды живущие». Они дышали в воде, на суше и носили в себе внутренний огонь.

Прямохождение. Шестипалые кисти с противопоставленными пальцами. Глаза с двойным веком, видящие в ультрафиолете.

А потом — язык. Сначала **хемосвязь**, запахи. Потом низкие гортанные звуки, которые разносятся дальше и проходят сквозь пылевые бури.

Мы задали себе вопрос:

«Одни ли мы во Вселенной?»

Я сижу в пещере и перечитываю эти строки. За стенами воет ветер, неся пепел и смерть. Но я знаю, что ответ на тот древний вопрос — нет. Не одни. Потому что вы, читающий эти строки через тысячу лет, — доказательство.

Вы есть. Значит, мы не одиноки. И наша боль и память не пропали даром.

VIII. Цивилизация

Мы расселились по всему матерiku. От побережий Ацидалийского моря до высокогорных плато Фарсида. Возделывали растения, одомашнили животных. Появились города, письменность, законы.

Мы строили из базальта и красной глины. В долине Аравия вознеслись к небу пирамиды-обсерватории. На плато Фарсида вырубили в скалах подземные города.

Наша цивилизация росла не в конфликтах, а в поиске знаний. Мы составили точные карты звёздного неба. Вычислили продолжительность года — 687 местных суток.

И заметили, что наш мир меняется.

Реки мелели. Ледяные шапки на полюсах росли. Магнитное поле угасало. Геологи обнаружили под Фарсидой огромный магматический пузырь. Вулканы пробуждались. В долине Маринера из трещин вырывался пар с запахом серы.

«*Khō mōr, dzen mōr, lān ān mōr*» (Огонь умрёт, звезда умрёт, память не умрёт) — повторяли мы тогда, ещё не зная, как быстро это сбудется.

Мудрецы забили тревогу. Марс умирал. Перед нами встал вопрос: остаться и принять конец — или искать новый дом среди звёзд.

Король Аратан объявил о строительстве кораблей. Он знал, что спасутся немногие. Знал, что его народ проклянёт его. Но он сделал этот выбор.

Потому что иногда правитель должен быть жестоким, чтобы не быть убийцей.

Вот как начинался наш мир. Теперь, когда вы это знаете, я расскажу о том, как он заканчивался.

О городе Окхасен, о море, которое помнило всё, и о Талине — юноше, который смотрел на звёзды и не знал, что ему суждено стать их голосом.

Thal dzen, un lān mar.

Смотри на звёзды и помни жизнь.

Я, Хевсур, уже не увижу звёзд. Свод пещеры закрывает их от меня. Но я успел записать. Всё: нашу науку, нашу боль, нашу надежду.

Я не знаю, выживет ли кто-нибудь из тех, кто улетел. Но я знаю: если эта глина когда-нибудь попадёт в руки разумных существ, они узнают, что мы не были одиноки. И что мы боролись.

А теперь — слушайте. Слушайте голос умирающего мира, пока он не смолк навсегда.

СТРОКА ПЕРВАЯ. ФИОЛЕТОВАЯ ПЛАНЕТА

«Okh sen ākha, dzen thal marzān»

Город Окхасен раскинулся на южном берегу Ацидалийского моря, там, где река Ксанф впадала в залив Ульян. Сотни лет назад здесь была лишь рыбацкая деревня — десяток хижин из базальтовых плит и сушёных водорослей. Теперь шумел порт, в котором сходились торговые пути всей западной окраины. От причалов тянуло смолой и водорослями, а низкое марсианское солнце делало тени длинными и неторопливыми.

Днём небо над Окхасеном было бледно-фиолетовым — цветом запёкшейся крови. Солнце казалось маленькой монетой, тусклой, но всё ещё тёплой. Облака стлались низко, тяжёлые, насыщенные углекислым газом. В них иногда сверкали молнии — не белые, а красные, как вены на глазном яблоке.

К востоку — Эритрейское море, на западе — горы Элизиум с их вулканом, на юге — пустынные земли Эридания, на севере — цветущие долины Аравия и Эдема. Между ними петляли полноводные реки. В те времена Марс ещё не знал засухи: от гор Фарсида до равнин Хриса тянулись густые леса из пурпурных деревьев, а в низинах сияли зеркала озёр. Система каналов, прорытых ещё первыми поселенцами, соединяла Ацидалийское море с внутренними водоёмами, позволяя торговым кораблям доходить до самого подножия Элизиума.

Талин проснулся за час до рассвета. В общежитии было тихо — только мерное дыхание соседей да редкий скрип гамаков. Он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, где трещины в базальте складывались в причудливые карты незнакомых морей. За окном ещё висели звёзды, но небо уже серело.

Он поднялся, накинул тунику и подошёл к окну. Внизу, в порту, уже кипела жизнь. Рыбаки в тёмных комбинезонах отвязывали лодки, проверяли сети, перекликались гортанными голосами. Их силуэты двигались неторопливо, но слаженно — как единый механизм, отлаженный веками. Факелы на причалах бросали оранжевые отсветы на воду, и волны казались расплавленным металлом. Талин смотрел на них. Эти люди не смотрят на звёзды. Их небо — это море. Он, астроном, был среди них чужим. Но в этом утреннем ритуале, в запахе соли и смолы, было что-то родное, что он не мог объяснить.

Талин любил город за его голоса. Улицы Окхасена были узкими, извилистыми, вымощенными базальтовой крошкой. С утра до ночи здесь стоял гул: скрип колёс, перекличка разносчиков, стук молотков из открытых мастерских. Из пекарен тянуло сладковатым запахом лепёшек, из красилен — едкой смесью водорослей и соды. В одном переулке старик точил ножи, в другом — дети запускали бумажных медуз, привязанных к нитям. Над крышами кружили фиолетовые чайки, их пронзительные крики перекрывали даже шум порта. Талин шёл не спеша, вдыхая знакомый с детства воздух, и каждый раз находил в нём что-то новое.

В одном из переулков он услышал музыку. Она была тихой, почти неразличимой, но он узнал её — это играла Совия. Она сидела на камне, прижав к груди ар-акху — «голос воды», — и её пальцы бегали по струнам.

— Что это за мелодия? — спросил он.

— «Dzen mōr, lān thal», — ответила она, не поднимая глаз. — Звезда умирает, память смотрит. Её сочинил астроном три тысячи лет назад. Он не дождался. Но его музыка осталась.

Талин хотел спросить, как звали того астронома, но Совия уже заиграла другую мелодию, и он не решился прервать.

Он свернул в узкий переулок, где располагались мастерские. Из открытых ворот доносился запах масла и горячего металла. Внутри, под навесом из водорослевой ткани, двое меха-

ников возились с двигателем — громоздкой конструкцией из медных трубок и поршней. Рядом стояла плоскодонка с разобранной кормой.

— Опять газовый контур, — проворчал старший. — Клапаны шипят.

— Может, солнечный поставим? — робко предложил младший.

— Солнечный? Ты небо видел? Газ надёжнее. Подтяни соединения.

Талин задержался у входа.

— А часто ломается? — спросил он.

Мастер хмыкнул, не поднимая головы:

— Только когда работать надо. Тебе-то что, астроном?

— Просто интересно.

— Ну иди, интересуйся дальше.

— Эй, берегись!

Талин отскочил в сторону. Мимо, гроыхая колёсами по каменным плитам, проехала повозка, запряжённая парой шестиногих ящеров. Кучер — рослый, с кожей цвета мокрой охры — приподнял шляпу в знак извинения и что-то крикнул на западном наречии. Талин проводил повозку взглядом. Сам он принадлежал к смешанному типу: его кожа, покрытая тонким слоем минеральной чешуи, отливала светлой бронзой с белыми пятнышками. Он одинаково хорошо видел и при ярком свете, и в сумерках, а жабры за ушами могли дышать и в пресной, и в солёной воде.

Рыбный рынок Окхасена начинался у самой воды — там, где причалы ещё сохраняли запах смолы, а море плескалось у базальтовых ступеней. Десятки прилавков тянулись вдоль набережной. Торговец выкрикивал:

— Свежая рыба! Поймана сегодня на рассвете у подводных пещер Горк!

Талин остановился. Рыба была серебристой, с длинными плавниками, похожими на крылья. Когда её вынимали из воды, она издавала странный свистящий звук.

— Пять монет, госпожа. Или обменяю на водорослевую муку — меру за меру.

Талин смотрел, как проворно двигаются руки торговца — шесть пальцев, два противопоставлены остальным, — и вспомнил слова отца: «Смотри, сынок. Шесть пальцев даны нам не для красоты. Ими можно и сеть плести, и узлы вязать, и врага держать». Тогда Талин не понимал, зачем марсианину враг. Теперь он знал: враг — это время, которое отнимает всё.

На следующий день в Окхасене справляли Праздник Урожая. Талина разбудили барабаны — звонкие, быстрые, от их боя ноги сами пускались в пляс. Город преобразился. На каждом углу воскуряли благовония: ладан, мирру, сушёные водоросли. Девушки в синих и зелёных одеждах, шитых серебром, кружились в хороводе. Юноши состязались, кто выше взлетит — низкая гравитация позволяла им возноситься на три-четыре локтя и парить над толпой.

На торговой площади поставили длинные столы с яствами: запечённые шестиногие ящеры с пряными травами, лепёшки с янтарным мёдом, плоды из долины Аравия — сочные, сладкие, они таяли во рту.

Талин взял лепёшку, откусил. Крошки посыпались на тунику, и он рассмеялся — впервые за многие месяцы.

— Ты есть собрался или звёзды считать? — раздалось за спиной.

Талин обернулся. Девушка в синем протягивала ему кружку.

— Алира. Гимнастка. А ты — тот самый звездочёт.

— Талин. Откуда ты...

— Глаза, — перебила она, усмехнувшись. — У таких, как ты, они вечно в небо смотрят. Даже когда едят.

Она повела его к порту. Там, на деревянных подмостках, возведённых прямо на воде, играли музыканты. Совия касалась струн, и струны плакали. Барабанщики отбивали ритм, и море, казалось, внимало им, приливая и отливая в лад песне. Люди плясали вольно, радостно,

будто не знали, что завтра может и не наступить. Дети бегали между ног взрослых, размахивая бумажными медузами на нитях. Старики сидели на ступенях храма, улыбались и хлопали в ладоши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.